

Из-за прошлой истории с семьёй Чжоу дом Е оказался в немилости у свахи. А во всей деревне Цинтянь сваха была одна-единственная; в будущем и для Е Чжу, и для младшего сына без неё не обойтись. Потому мать Е, скрепя сердце, решила пойти к ней с поклоном - унизиться, сказать несколько ласковых слов.

Отец и мать Е взяли с собой небольшую корзинку яиц, накрыли её полотенцем, боясь, как бы не побились, и отправились к дому свахи. У самых ворот они как раз столкнулись с ней. Сваха смерила их взглядом и с силой закатила глаза. Хотя именно она тогда не разобралась в деле и едва не помогла дому Чжоу продать человека, теперь держалась так, будто это семья Е задолжала ей восемьсот связок монет. И что было особенно нелепо - сами старики Е тоже чувствовали себя виноватыми и не смели поднять головы.

— Ай да ну! — протянула сваха с насмешкой. — Каким это ветром вас сюда занесло? Неужто это та самая семья Е, что даже дом Чжоу отвергла? В нашем Цинтяне, надо сказать, вы такие одни!

Отец Е стоял с неловким видом, а мать Е, натянуто улыбаясь, заговорила:

— Вот уж вышло как вышло... Мы ведь все земляки, и дальше ещё не раз придётся друг другу помогать. Мы пришли от имени Нин-гера, чтобы перед вами извиниться.

— Хм, — холодно усмехнулась сваха. — Нин-гера? Увольте, такую честь я не потяну! Ваш Нин-гер нынче, поди, занят, где уж ему обо мне вспомнить.

Её язвительный тон стал ещё более едким:

— Вы, небось, и не знаете? Ваш Нин-гер теперь совсем другим стал. Не зря, видно, дом Чжоу отверг - у него, оказывается, лавка с лапшой снова открылась. Ай-яй, с виду лапшу продаёт, а за спиной-то... ой-ой, с мужиками трётся, заигрывает, кто его знает, что он там на самом деле продаёт?

Отец и мать Е одновременно опешили. И первым их порывом было вовсе не заступиться за родного сына, а поверить чужим словам. Лица их тотчас залились краской, от стыда им хотелось провалиться сквозь землю.

Мать Е запинаясь пробормотала:

— Э-это... вы, должно быть, ошиблись? Нин-гер с детства робкий, как же он мог... крутить пашни?

— Ха-ха! — расхохоталась сваха и махнула рукой. — Эй, старый Лю! Старый Ли! Подите-ка сюда. Семья Е вас спрашивает: не ошиблись ли вы? Разве их Нин-гер мог заниматься такими делами?

Двое крестьян как раз проходили мимо - те самые, что в тот день пытались поесть задаром, болтали без удержу и в конце концов были выгнаны Е Нином. После того случая они всё больше распалялись от злости: их, взрослых мужиков, поставил на место какой-то гер. Чем больше думали, тем сильнее злились, и потому каждому встречному начинали поливать Е Нина грязью, мол, с виду он лапшу продаёт, а сам всё крутится среди мужиков, неизвестно чего добивается, ведёт себя непорядочно, каждому встречному в глаза заглядывает, да ещё и руками хватает.

Сваха, любительница пересудов, всё это, разумеется, выслушала, вот теперь и столкнула их лицом к лицу с родителями. Крестьяне явно растерялись и на миг замялись - кто бы мог подумать, что сплетни, которые они перемалывали за спиной, докатятся прямо до семьи?

— Ну? — подталкивала их сваха. — Говорите! Так это или нет?

Отступить было уже поздно. Двое мужиков, скрепя сердце, кивнули:

— Да... да, правда это! Мы своими глазами видели. Этот Нин-гер... ой, и сказать неловко, в той лапшичной всё с людьми заигрывает, хватается за них, а ещё...

Чем дальше, тем больше они увлекались выдумками, пока сами почти не уверовали в них. Хлопая себя по бёдрам и изображая праведное негодование, они добавили:

— Да ещё и мужиков затаскивает в лавку, двери прикрывает! Среди бела дня, а выходят они оттуда только спустя долгое время, да что они там могли делать?!

— Ой-ой-ой! — всплеснула руками сваха, прикрывая лицо. — Вот уж и правда, велико мастерство у этого Нин-гера!

Отец и мать Е окончательно сгорели от стыда, не смея поднять глаз - достоинство было потеряно подчистую. Отец Е с глухим стуком поставил корзину с яйцами на землю и, не говоря ни слова, повернулся и зашагал к северной части деревни. Мать поспешно последовала за ним.

С тяжёлым сердцем они дошли до лапшичной. Издали было видно, как множество людей выстроилось в очередь за едой. Они прошли прямо сквозь толпу, и кто не знал, мог бы подумать, что это какие-то нахалы, решившие пролезть без очереди.

Отец Е протиснулся к самому прилавку и, едва открыв рот, выкрикнул «негодяй», так что люди, спокойно евшие лапшу, вздрогнули от неожиданности и не сразу поняли, что происходит. Он высоко поднял трость, словно собираясь ударить, и сурово прикрикнул:

— А ну, немедленно закрывай эту безобразную лапшичную!

Е Нин не понимал, что случилось. За его спиной ещё стояла длинная очередь, люди ждали

лапшу, и остановиться он не мог ни на миг. Не прерывая работы, он продолжал хлопотать у котла и лишь спокойно спросил:

— Отец, что ты имеешь в виду? Разве не вы с матушкой сами отправили меня сюда открывать эту лавку?

Тогда Е Нина и впрямь выставили из дома именно затем, чтобы он переждал бурю. Деревня Цинтянь была слишком маленькой, а северная часть - земля семьи Цзян, куда жители заглядывали редко. Поселившись при лапшичной и не попадаясь людям на глаза, Е Нин, по мысли родителей, должен был «не мозолить глаза» и тем самым принести им душевное спокойствие.

Отец Е с силой стукнул тростью о землю:

— Я велел тебе приглядеть за лапшичной, а не... не...

Он запнулся, слова застряли в горле от стыда, и в конце концов он лишь выдавил:

— ...заниматься всякими постыдными, непотребными делами!

Е Нин опустил лапшу в кипящую воду и лишь тогда нашёл мгновение, чтобы уточнить:

— О каких именно «непотребных делах» говорит отец?

— Ты! Ты! — мать Е указала на него дрожащим пальцем. — Ты сам не знаешь, что натворил, и ещё спрашиваешь нас? Наша семья хоть и бедна, но лицо своё бережёт. А ты посмотри, что ты вытворяешь! Гер - и не выходит замуж, не сидит дома, не служит мужу, а торчит здесь... здесь... с мужиками...

Она не договорила, потому что отец Е не выдержал и рявкнул:

— Хватит! Тебе ещё мало позора?!

Услышав эти обрывки фраз, Е Нин сразу всё понял. Родители, как водится, поверили слухам и решили, будто, открыв лапшичную, он якобы якшается с мужчинами и позорит доброе имя семьи.

Чжан Чжюань поспешно протиснулся вперёд:

— Дядя, тётушка, может, это какое-то недоразумение?

Отец Е был вне себя от злости и на племянника смотрел без всякого снисхождения. Он грубо оттолкнул его:

— Не лезь! Это дела нашей семьи Е!

Затем он снова повернулся к Е Нину и жёстко бросил:

— Ты идёшь со мной или нет?! Немедленно домой!

Е Нин спокойно ответил:

— Я не сделал ничего постыдного. Я честно и открыто держу эту лапшичную. С какой стати мне возвращаться домой?

Отец Е в ярости затопал ногами:

— Столько народу смотрит! Тебе не стыдно, а мне стыдно! Что, прикажешь мне на колени перед тобой пасть, чтобы ты соизволил пойти домой?!

Е Нин, в отличие от него, оставался спокойным и невозмутимым. Он лишь чуть приподнял брови и ровным тоном ответил:

— Если отец считает, что вставать на колени при всех - не позор, то младшему и возразить нечего.

— Ты!! — взревел отец Е. — Неблагодарный выродок! Как я мог вырастить такого выродка! Несчастье дому нашему! Несчастье дому!

С самого утра у Чэн Чжао ныло в желудке, будто там поселился прожорливый червяк, без конца напоминавший о лапшичной и о той самой пняньэрчуань. А он ведь слышал, что там ещё появились жареные рыбки, как тут удержаться, не попробовать?

Едва выдалась свободная минутка, Чэн Чжао юркнул через боковую калитку усадьбы Цзян и поспешил к лавке. Но ещё издали он заметил шум и гам у лапшичной: отец и мать Е скандалили - слёзы, крики, попытки встать на колени, всё это было слышно даже на расстоянии.

Глаза Чэн Чжао сверкнули. Про лапшу он тут же забыл, развернулся и со всех ног помчался обратно.

— Господин! Господин!

Он вбежал в маленький дворик и распахнул дверь. Юй Юань стоял в стороне, а Цзян Чансинь упражнялся в каллиграфии. Для «глупого» молодого господина такое занятие, разумеется, было недопустимо - позволить себе он мог это лишь тогда, когда рядом не было посторонних.

Цзян Чансинь лишь мельком взглянул на Чэн Чжао и равнодушно спросил:

— Что случилось?

Чэн Чжао, с живым, почти восторженным выражением лица, ответил:

— Господин, там снаружи такое творится! Тот пастух из семьи Е примчался к лапшичной и, не жалея ни стыда, ни сил, тащит Нин-гера домой!

Он подробно пересказал, как мать Е плакала и устраивала сцены, как отец собирался упасть на колени. Юй Юань слегка нахмурился - он не любил ни шума, ни склок.

Рука Цзян Чансиня, выводившая иероглифы, на миг замерла. Услышав имя Е Нина, он прищурился: с тех пор как он возродился, эти два слова слишком часто звучали у него в ушах.

— Господин, — продолжал Чэн Чжао, — в доме душно. Может, пойдём глянем на это представление? А то вдруг Нин-гера и правда утащат, где мы тогда лапшу есть будем?

Юй Юань наконец заговорил:

— Это ты просто лапши хочешь.

Чэн Чжао тут же возразил:

— А наш господин разве не ел лапшу Нин-гера? Да ещё и целых три укуса! Где ты видел такую еду, чтобы господин смог съесть три укуса?!

Он ухмыльнулся хитровой, насмешливой улыбкой:

— Ах да... среди нас ведь только тебе пока не довелось попробовать пняньэрчуань. Вот уж точно не повезло!

В прошлый раз пняньэрчуань, которую Чэн Чжао унёс с собой, изначально предназначалась для Юй Юаня. Кто бы мог подумать, что по воле случая её съест сам Цзян Чансинь, а вслед за ним служанки и старшие служки при старшей госпоже. В итоге попробовать пняньэрчуань довелось всем... кроме самого Юй Юаня.

Юй Юань: «...»

Цзян Чансинь тихо отложил кисть и ровным голосом произнёс:

— Сходить посмотреть не повредит.

— Что? — Чэн Чжао едва не решил, что ослышался. Хозяин хочет пойти посмотреть на шум? Ведь он меньше всего на свете любил вмешиваться в чужие дела.

За всё это время он вмешался лишь однажды - когда семья Чжоу отправила своих охранников. И то дело было связано с Е Нином. А теперь снова: и это «представление» опять связано с Е Нином.

— Что такое? — переспросил Цзян Чансинь. — Ты не хочешь идти?

— Хочу, хочу! — поспешно закивал Чэн Чжао, глаза его забегали. В душе он всё больше убеждался: для хозяина тот самый Е Нин и впрямь не такой, как все остальные...

Лапша в котле бурлила - ей нужно было вариться ещё немного. Е Нин наконец выкроил минуту. Он отложил дела, вытер руки и спокойно спросил:

— Осмелюсь узнать, отец и мать, что же всё-таки произошло? По какой причине вы так всполошились и при таком количестве посетителей явились сюда, чтобы разнести мою лапшичную?

<http://bllate.org/book/15118/1377838>